

С. А. СЕМЯЧКО

К интерпретации «Повести о бражнике»

Проблема интерпретации «Повести о бражнике» возникала неоднократно, причем при всей разности подходов ее толкователей и при всем многообразии высказанных точек зрения можно отметить, что толкователи этого текста, как правило, обращаются к «богословскому» пласту повести, к содержанию полемики бражника со святыми. Включение в XVII в. «Повести о бражнике» в Индекс отреченных книг¹ свидетельствует как раз о том, что читатели-современники обращали особое внимание на обвинения бражника в адрес оппонентов. Ряд списков повести XVIII—XIX вв. включен в сборники, состоящие преимущественно из произведений на евангельскую тему. Это показывает, «что тема Евангелия в „Бражнике“ могла быть основной для читателя»,² т. е. опять же демонстрирует особый интерес именно к содержанию диалогов. Эта традиция восприятия памятника имела свое продолжение и в последующее время, особенно в XX в., когда Повесть получала различные трактовки: как явление, связанное с идеями «русской реформации»,³ как «сатира на формальное благочестие»⁴ или антиклерикальная сатира,⁵ как сакральная пародия.⁶ Но, как отмечает современный исследователь, «нельзя не заметить, что в какую бы систему (или типологический ряд) ни включалась Повесть — ни одним однозначным определением не исчерпывается ее художественное своеобразие».⁷ С большинством данных характеристик Повести нельзя не согласиться, однако

¹ Пыпин А. Н. Для объяснения статьи о ложных книгах // ЛЗАК: 1861. СПб., 1862. Вып. 1. С. 39; Яцимирский А. И. Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности. Списки памятников: Апокрифы ветхозаветные. Пг., 1921. Вып. 1. С. 25 (№ 111).

² Ромодановская Е. К. Повесть о царе Аггее в контексте рукописных сборников. II. Повесть о бражнике // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1992. С. 15.

³ Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. 5-е изд. Пг., 1923. С. 60—61.

⁴ Адрианова-Перетц В. П. Очерки по истории русской сатирической литературы. М.; Л., 1937. С. 169—171.

⁵ Адрианова-Перетц В. П. 1) Из истории текста антиклерикальных сатир: («Сказание о бражнике» и «Сказание о попе Савве») // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 497—499; 2) Русская демократическая сатира XVII века / Подгот. текстов, статьи и коммент. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд. М., 1977. С. 126.

⁶ Например, так характеризует повесть Д. С. Лихачев. См.: Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976. С. 12; или: Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 9.

⁷ Фокина О. Н. Памятник ранней демократической сатиры в литературном процессе XVII—XVIII вв. («Повесть о бражнике»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1988. С. 5.

любопытно, что при всем интересе читателей и исследователей к речам бражника, к самому факту полемики пьяницы со святыми, фигура главного героя как бы остается в тени. Поэтому, никак не касаясь проблем жанра или идеологической направленности произведения, мы обратимся к фигуре главного героя и к некоторым вопросам, связанным с его характеристикой.

Более внимательно к этому персонажу отнесся Ф. И. Буслаев, поставивший «Повесть о бражнике» в один ряд с пословицами типа «пьян да умен, два угодя в нем» и «пей да дело разумей», с древнерусским поучением к детям, обнаруженным им в рукописи XV в. (среди идей которого есть и такая: «луче есть умна человека пьяна послушать, нежели безумна трезва»),⁸ и сказанием о Василии Великом и пьянице, пившем вино и при этом крестившемся.⁹ Последний пример для нас особенно важен, потому что главный герой «Повести о бражнике» — «некий человек, пьющий рано велми в празники Божия, за всяким ковшем Господа Бога своего прославляет».¹⁰

В связи с этим исследователи не раз касались вопроса «благочестивого пьянства», говоря, как правило, об обычае тропарных чаш.¹¹ «Пьяницы ухитрялись обращать в свою пользу благочестие. Существовал обычай пить на торжественных и праздничных обедах чаши Спасителя, Божьей Матери и святых празднуемых с произнесением перед ними тропарей: пьяницы, желая пить как можно более этих чаш, утверждали, что чем более говорится тропарей, тем благочестивее».¹² Однако чтением тропарей могли сопровождаться не только чаши в честь Господа, Богоматери и святых, но и чаши за здравие царя, царицы, патриарха и пр. Так, с тропаря начинается описанный А. С. Орловым Чин «егда бывает заздравная чаша за царя»;¹³ включает в себя тропары и существовавший в церковной традиции Чин за приливом о здравии царя.¹⁴ Т. е. можно было не просто пить во славу Господа, Богоматери, того или иного святого, но «пить и Бога славить» можно было, поднимая чашу за царя (князя), царицу, царских детей, церковных иерархов... Таких чаш, выпиваемых за мирской или церковной трапезой и сопровождаемых обращением к Богу, могло быть очень много.

⁸ Все цитаты в тексте статьи даны в упрощенной орфографии.

⁹ Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1: Русская народная поэзия. СПб., 1861. С. 562—563.

¹⁰ Русская демократическая сатира XVII века. С. 85. (по списку БАН, 1.4.1). В разных списках характеристика бражника варьируется. В списке РНБ, О. XVII.57 говорится, что герой «зело много вина пил во вся дни живота своего, а всяким ковшем Господа Бога прославлял и часто в нощи Богу молился» (ПЛДР: XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 222). Более подробно о том, что же именно делал герой Повести, сказано в начале текста списка РНБ, Сол. собр., № 1137/1247, который О. Н. Фокина, проведшая текстологическое исследование Повести, считает наиболее близким к первоначальному тексту, во всяком случае, это самый ранний список (нач. XVII в.): «Бысть в некоем граде бражник, всегда пил без памяти, праздников Божних не зная и святых дней не почитая, и не бысть в нем добра Божия. И мало толико человек той поминал Господа: в то время, егда учне пити ковш, и он тогда глаголя: „Господи Иисусе Христе Сыне Божий, благослови Христос“» (Фокина О. Н. Бытование «Повести о бражнике» в сборниках XVII века // Русская книга в дореволюционной Сибири: Распространение и бытование. Новосибирск, 1986. С. 35).

¹¹ В данном случае чашей мы называем обряд испития чаши, чарки, братины и т. п. В большей степени исследованы чаши во здравие государя (см., например, работы, имеющие обобщающий характер: Орлов А. С. Чаши государевы. М., 1913; Соколова Л. В. Чаши государевы заздравные // Русская и грузинская средневековые литературы. Тбилиси, 1992. С. 191—208). В названных работах попутно речь идет и о тропарных чашах, там же указана основная литература.

¹² Голубинский Е. История русской церкви. 2-е изд. М., 1901. Т. 1, пол. 1. С. 816.

¹³ Орлов А. С. Чаши государевы. С. 19—20.

¹⁴ Никольский К. О службах русской церкви, бывших в прежних печатных богослужебных книгах. СПб., 1885. С. 237—256.

Против этого обычая выступает автор поучения, часто приписываемого Феодосию Печерскому¹⁵ и охотно привлекаемого исследователями при рассмотрении проблемы пьянства и благочестия:¹⁶ «Трепарев же не молвити чашам в пиру, лише три: поставивше обед, славится Христос Бог наш, и сести пити лепо есть и честно, егда же кончается обед, прославится Девица Мария, третье е осподарю, а лише не велим».¹⁷ Кто бы ни был автором этого поучения, св. Панкратий, Феодосий Печерский или кто-то иной, совершенно очевидно, что обычай тропарных чаш, обычай «пить и Бога славить» достаточно древний (Ф. И. Буслаев возводит его к языческим временам¹⁸). Он нашел свое отражение и в пословицах: «Сколько дней у Бога в году, столько святых в раю, а мы, грешные, им празднуем»,¹⁹ «Святые угодники на пьяниц угодливы: что ни день, то праздник».²⁰ Кем бы ни осуждался обычай «пить и Бога славить», но столь решительное осуждение и устойчивая традиция приписывать это осуждение такому авторитетному духовному наставнику, как Феодосий Печерский, свидетельствует лишь о распространенности порицаемого обычая.

О. Н. Фокина продемонстрировала, что «основным сюжетобразующим и композиционным приемом в Повести является переложение источника, цитата; каждый диалог построен на использовании источников».²¹ И далее: «Анализ типов и способов функционирования цитат позволил сделать вывод о стилистической и идейно-жанровой ориентации Повести на предшествующую традицию... Цитата в Повести играет роль реминисценции, напоминает о том, что стоит за пределами текста...».²²

Совершенно справедливые наблюдения О. Н. Фокиной отнесены их автором лишь к диалогам бражника со святыми. Однако краткая характеристика главного героя, данная в начале Повести, построена на основе того же самого принципа. Герой охарактеризован как человек, который «пьет и Бога славит». Формула²³ «пить и Бога хвалить (славить)» зафиксирована большим количеством текстов. С ней мы постоянно встречаемся в надписях на чашах, ковшах и братинах самого разного времени.

«А се чара князя Владимирова Давыдовича; а кто из нее пьет, тому на здравье, а хваля Бога, своего осподаря великаго князя» — надпись на чаре черниговского князя Владимира Давыдовича (вторая четверть XII в.).²⁴

¹⁵ Вопрос об авторе этого поучения окончательно не прояснен. Краткий обзор существующих точек зрения с указанием литературы см.: Соколова Л. В. Чаши государевы задранные. С. 193—194.

¹⁶ Ссылается на это поучение и Ф. И. Буслаев, рассматривая «Повесть о бражнике» (Буслаев Ф. И. Исторические очерки... Т. 1. С. 562—563).

¹⁷ Сочинения препод. Феодосия Печерского в подлинном тексте / Приготовлены к изданию преосв. епископом Макарием // Учен. зап. Второго отд-ния Имп. Академии Наук. СПб., 1856. Кн. 2, вып. 2. С. 197.

¹⁸ «...грубое понятие о безнаказанности кроткого пьянства, соединенное с языческим преданием о возлиянии во славу какого-то божества...» (Буслаев Ф. И. Исторические очерки... Т. 1. С. 563).

¹⁹ Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1984. Т. 2. С. 247.

²⁰ Там же. С. 246; Русские пословицы и поговорки / Сост. А. И. Соболев. М., 1983. С. 211; Пословицы, поговорки, загадки / Сост. А. Н. Мартынова, В. В. Митрофанова. М., 1986. С. 178.

²¹ Фокина О. Н. Памятник ранней демократической сатиры... С. 15.

²² Там же.

²³ Под формулой мы понимаем «устойчивое выражение», «фразу-клише» (см.: Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М., 1969. С. 502).

²⁴ [Вельтман А. Ф.] Московская оружейная палата. 2-е изд. М., 1860. С. 148. См. также: Орлов А. С. Библиография русских надписей XI—XV вв. М.; Л., 1952. С. 30—31, 220—221 (№ 20).

«Чарка добра человека, пить из нее на здравие, хваля Бога и моля про господарево многолетнее ево здравие» — надпись на чарке великого князя Василия Иоанновича (XVI в.).²⁵

«Братина добра человека, пити из нея на здравие, хваля Бога. Зделана сия братина лета 7100 (1592)».²⁶

Еще две любопытные недатированные надписи: «Братина добра человека, пити из нея на здравие, хваля Бога, воспоминаючи Его святяя заповеди чрез ап. Павла: братие, не упивайтесь вином, в немже есть блуд»²⁷ и «Ковш, пити из него на здравие, моля Бога, хваля государя, поминая друга милаго».²⁸

С помощью известной формулы автор Повести как бы обращает читателя к традиции «пить и Бога славить», как было показано, достаточно широко распространенной в мирском и монастырском обиходе. Совершенно очевидно, что случайных фраз в «Повести о бражнике» нет. Исследователи не раз указывали источники обвинительных речей бражника. Следует обратить внимание и на то, что герой старается сформулировать вину своего собеседника так, чтобы это выглядело как нарушение одной из основных заповедей христианства. Апостола Петра он обвиняет в отречении от Господа. Апостола Павла — в убийстве (Исх. 20. 13; Втор. 5. 17), причем авторский замысел здесь обнажается, ибо автору, постоянно оперирующему библейскими текстами и опирающемуся в первую очередь на них, в данном случае для достижения своей цели приходится предпочесть апокрифический источник каноническому.²⁹ Царь Давид, по мнению бражника, виноват в убийстве и прелюбодеянии (Исх. 20. 13—14, 17; Втор. 5. 17—18, 21). Царь Соломон — в нарушении заповеди «не сотвори себе кумира» (Исх. 20. 4—5; Втор. 5. 8—9). Труднее всего приходится со св. Николаем, единственным небиблейским персонажем из всех оппонентов бражника.³⁰ Опираясь на легендарное житие Николая Мирликийского,³¹ бражник обвиняет святого в том, что он на Вселенском соборе ударил еретика Ария. Причем герой употребляет, казалось бы, довольно неожиданный для этого случая глагол «убить»: «...в Законе пишет: не убий, а ты убил рукою Ария треклятаго».³² Совершенно очевидно, что этот глагол нужен для того, чтобы соотнести поступок св. Николая с одной из заповедей Закона Моисеева (Исх. 20. 13; Втор. 5. 17), причем эта отсылка к Закону принадлежит самому герою.

Бражнику удается убедить своих оппонентов, что его грех ничтожен по сравнению с нарушением основных христианских заповедей. А если учесть, что существовала как светская, так и церковная традиция «пить и Бога славить», то грех бражника превращается чуть ли не в достоинство,

²⁵ [Вельтман А. Ф.] Московская оружейная палата. С. 152. Аналогичную надпись см.: Надписи Троицкой Сергиевой Лавры, собранные архимандритом Леонидом. СПб., 1881. С. 53, № 202 (247).

²⁶ Надписи Троицкой Сергиевой Лавры. С. 69, № 282 (501).

²⁷ Там же. № 283 (502).

²⁸ Там же. С. 70, № 291 (511).

²⁹ Согласно Деяниям, Савл Тарсянин, будущий апостол Павел, был свидетелем убийства св. Стефана (Деян. 7. 58; 8. 1). В Житии Стефана Первомученика Савл — инициатор этого злодеяния (текст жития см., например: Великие Минеи Четьи, декабрь, дни 25—31. М., 1912. Стб. 2390—2400).

³⁰ Мы разделяем утверждение О. Н. Фокиной, что эпизод со св. Николаем присутствовал уже в первоначальном тексте «Повести о бражнике» (Фокина О. Н. Бытование «Повести о бражнике» в сборниках XVII века. С. 31).

³¹ Текст этого жития см.: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 453—459.

³² ПЛДР: XVII век. Кн. 2. С. 223.

и становится понятной та уверенность, с которой герой отстаивает свое право на место в раю. А автор Повести рассчитывает на адекватное восприятие этой ситуации читателем.³³

---

³³ То, что Повесть рассчитана на подготовленного читателя, способного воспринять подтекст, оценить игру слов, косвенно подтверждается и наблюдениями О. Н. Фокиной, выявившей, что сборники с «Повестью о бражнике» попадают в демократическую среду лишь в XVIII в. (см.: Фокина О. Н. 1) Бытование «Повести о бражнике» в сборниках XVII в.; 2) Бытование «Повести о бражнике» в демократических сборниках XVIII—XIX вв. // Русская книга в дореволюционной Сибири: Государственные и частные библиотеки. Новосибирск, 1987. С. 75—97).